

Глава II

Политическая смута и этнотерриториальные конфликты в Грузии

Гия Нодия

---

1. Введение

С начала борьбы за независимость в конце 80-х гг. Республика Грузия в основном рассматривалась как место бесконечной смуты. Однако помимо этой отличительной черты, она также примечательна тем, что была по крайней мере одной из первых стран, где проявились тенденции развития, которые позже стали свойственны и другим бывшим советским республикам.

Грузия была первой советской республикой, в которой были проведены свободные парламентские выборы на многопартийной основе. Выборы состоялись в октябре 1990 г.^[1] В мае 1991 г. Грузия первой провела свободные президентские выборы. На этих двух выборах компартия потерпела серьезное поражение и с тех пор не играла значительной роли в политической жизни страны^[2]. Грузия второй (после Литвы) официально объявила 9 апреля 1991 г. о своем полном отделении от СССР.

В то же время Грузия была одним из первых постсоветских государств, доказавших, что избавление от коммунистического и имперского господства и избрание пути независимости не только не смогли дать рецепт от всех их проблем, но и создали новые опасности. Все бывшие советские республики (кроме этнически однородной Армении), поднявшие лозунг суверенитета, столкнулись с проблемой сохранения своей территориальной целостности. Грузия была первой республикой, где борьба за независимость, а позднее утверждение новых международных границ были отягощены кровавой этнической рознью (нагорно-карабахский конфликт не входит в эту категорию, поскольку он не был вызван стремлением Азербайджана к независимости).

Многие аналитики предсказывали, что поражение коммунистов на

свободных выборах не обязательно гарантирует наступление реальной демократии и что место коммунизма может занять новый вид авторитаризма, основанный на национализме. Эти предсказания могли быть эмоционально негативными или позитивными: для некоторых либералов это был нежелательный, но вероятный прогноз; другие высказывали мнение, что в период перехода (к рыночной экономике, к независимости или и к тому, и другому) любая страна нуждается в сильной исполнительной власти, поэтому какая-то разновидность авторитарного правления не только неизбежна, но и необходима. Эта идея была впервые представлена с антизападных позиций Александром Солженицыным, а с прозападных — российским политологом Андраником Миграняном^[3]. Именно Грузия близко подошла к осуществлению этой доктрины (хотя и в несколько странноватой форме): интеллеktуал-антикоммунист с явно авторитарными тенденциями был избран в президенты с предоставлением ему самых широких полномочий; вскоре, подтвердив худшие опасения либералов, он приобрел имидж образцового посткоммунистического диктатора, нетерпимого к этническим меньшинствам и политической оппозиции.

С самого начала драматических перемен эпохи Горбачева часто — особенно в России — выражалось опасение, что все это закончится гражданской войной. Грузины первыми продемонстрировали, на что может быть похожа настоящая гражданская война в посткоммунистическом мире (хотя полномасштабной гражданской войны в конце концов удалось избежать): они стали убивать своих сограждан-грузин за то, что у них было иное понимание политических вопросов^[4]. Всенародно избранный антикоммунистический президент Звиад Гамсахурдиа был свергнут вооруженным путем во имя демократии в кровавой битве, а его сторонники продолжали вести своего рода партизанскую войну в ряде регионов Западной Грузии.

Позже аналогичные выступления против законно избранных президентов, хотя и с более или менее отличным исходом, имели место в Азербайджане и Таджикистане, а президенту России Б. Ельцину пришлось санкционировать штурм войсками избранного народом парламента в целях сохранения демократии.

Антиутопия Александра Кабакова «Невозвращенец»^[5] нашла широкое признание в покойном Советском Союзе своим изображением кошмарного сценария посткоммунистического развития: в ней представлена картина всеобщей анархии и хаоса, при которых несколько вооруженных банд являют собой единственную власть. Разрушив при режиме Гамсахурдиа последние остатки коммунистического строя, Грузия первой приблизилась к этому образу: формально легитимные гражданские власти оказались отданы на милость различных полувоенных формирований, не

желающих влиться в одно регулярное соединение, которым противостояли вооруженные группы сторонников Гамсахурдиа, полувоенные осетинские и абхазские сепаратисты и обыкновенные уголовные преступники.

Радикалы и либералы

«Независимость» и «демократия» стали двумя ключевыми словами грузинского политического дискурса, как только политическая эволюция, вызванная горбачевской гласностью, достигла определенной критической точки. С тех пор грузинская политическая жизнь шла в русле меняющихся суждений по этим двум понятиям. Вначале они воспринимались как идентичные: демократия означала независимость, возможность бороться за нее либо говорить о ней во весь голос.

Вообще говоря, независимость никогда не была «спорным вопросом» в смысле чего-то такого, что разделяет общество^[6]. Даже закоренелые коммунисты всячески избегали прямо говорить, что они против нее.

Основным вопросом грузинского политического дискурса была оппозиция между средствами достижения независимости.

Две позиции вскоре вылились во вполне четкие политические платформы в зависимости от различного отношения к существующим структурам власти. В эмоциональном и философском смысле это было расхождение между романтическими радикалами, гордо называвшими себя «непримиримыми» и отвергавшими всякий компромисс с существующими властями, и умеренными, которые приняли более осторожный и постепенный подход. Но дело не только в этом. Стратегия «радикалов» исходила из того, что Грузия являлась страной, насильственно оккупированной и незаконно аннексированной иностранной державой; радикалы выводили из этого, что существующие политические структуры представляют «оккупационный режим» и любое участие в них, включая участие в официальных выборах, даже если они отвечали демократическим стандартам, представляло собой морально и политически недопустимый «коллорабационизм». С другой стороны, вооруженное восстание против советской империи, хотя и морально оправданное, было обречено на провал. Единственным средством борьбы должны были быть мирные акты гражданского неповиновения: забастовки, митинги, голодовки, сидячие забастовки (последние две формы были особенно типичны для грузинского движения). Молодые интеллигенты, разрабатывавшие эту идеологию «непримиримой оппозиции», вдохновлялись идеями Махатмы Ганди^[7]. Другим ключевым термином, напоминавшим о наследии Ганди, был «Национальный конгресс»: радикалы были озабочены идеей неофициально, но всенародно избранного органа, который не был бы

запятнан никакими связями с «оккупационными силами» и могли бы, таким образом, законно представлять волю грузинского народа на международной арене, являясь воплощением правопреемственности с международно признанной независимой Республикой Грузия.

Еще одним центральным, ключевым понятием «непримиримой оппозиции» было, таким образом, «международное право». Поскольку советские законы были навязаны «оккупационными силами», их можно и нужно было игнорировать. Однако это должно было подразумевать не правовой вакуум, а признание «международного права», с точки зрения которого Грузия, как незаконно аннексированная страна, была все еще жива и представлена Национальным конгрессом. Эта вполне связанная доктрина, казалось, имела один серьезный недостаток: она была совершенно оторвана от реальности. «Радикалы» бывали очень раздосадованы, когда их спрашивали, как конкретно они представляли себе достижение независимости Грузии.

Позже они осудили провозглашение независимости Литвой в феврале 1990 г. как «аморальный» акт: «аморальность» заключалась в том, что она была объявлена литовским Верховным Советом, который по определению мог лишь быть частью «оккупационного режима».

Умеренная, или «либеральная», оппозиционная фракция полностью разделяла квалификацию событий 1921 г. как незаконной аннексии Грузии зарубежной страной; логика непримиримой оппозиции никогда не оспаривалась. Их позицию критиковали только с позиции реализма. Для «умеренных» ключевым словом стала «разумность». На практике это означало участие в официальных выборах и использование существующих структур власти в интересах грузинской независимости и демократии.

Этот раскол не был чем-то отличительно характерным для грузинской сцены. Он был типичным для нарождающихся оппозиционных движений во всем Советском Союзе. «Радикалы» возглавлялись в основном бывшими политзаключенными, к которым присоединились молодые энтузиасты.

Это были люди, мыслившие более в моральных, чем в политических, категориях, и эта мораль была основана на простых и ясных ценностях гулаговской жизни. Существовали «мы» и «они», и эта линия была священна.

Гулаговских охранников (к которым причислялись все принимавшие участие в официальной жизни) ненавидели, но самыми презируемыми были «либералы», которые оспаривали существование самой линии тем, что искали более добрых и мягких охранников и пытались найти с ними компромисс, чтобы сделать

жизнь в Гулаге (Советском Союзе) чуть более сносной. «Либералы» рассматривались как люди, которые, разделяя или делая вид, что разделяют те же ценности, что и диссиденты, на деле компрометировали святыне ценности диссидентства и предавали дело, в то же время извлекая личную выгоду из своей «более реалистичной», но на самом деле трусливой и оппортунистической позиции. Морально они были даже хуже, чем откровенные угнетатели. Политическая стратегия неучастия была лишь логическим дополнением этой нравственной позиции.

Особенность Грузии состояла в том факте, что это была единственная республика, где «непримиримый» менталитет доминировал над оппозиционной политической программой и действиями. В других районах основное течение оппозиционных движений приняло новые правила политической игры, установленные Горбачевым, и пыталось использовать их в своих интересах, оставляя группы непримиримых на периферии политической жизни. Лидеры грузинских «непримиримых» (которые также являлись бывшими политзаключенными — Звиад Гамсахурдиа, Мераб Костава, Георгий Чантурия, Ираклий Церетели и др.) имели довольно тесные контакты с радикалами из других мест (группами, подобными «Демократическому союзу» в России, и радикально-националистическими группами в прибалтийских республиках, на Украине и в Армении), и в их доктрине не было ничего оригинального. Но лишь в Грузии эта доктрина и эти люди возглавили оппозиционное движение в целом.

Группы, отстаивавшие «разумный» путь политической деятельности, не смогли найти широкого народного отклика, и хотя они называли себя «партиями», в действительности представляли собой клубы интеллектуалов, больше спорившие о специфике политической теории, чем инициировавшие конкретные политические акции. Единственная сравнительно сильная организация умеренной оппозиции — Народный фронт Грузии — имел свое «радикальное» крыло и разрывался фракционной борьбой.

Политика грузинской компартии также по-своему способствовала доминированию «радикалов». Двое из ее лидеров после Шеварднадзе занимали совершенно различные позиции: Джумбер Патиашвили, консервативный провинциальный аппаратчик старого закала, и слышать не хотел ни о какой оппозиции, тогда как Гиви Гумбаридзе, занявший пост главы партии после бойни 9 апреля, провозгласил политику «диалога» с оппозицией и по крайней мере делал вид, что разделяет ее основные ценности. Но у коммунистических руководителей отсутствовало представление о том, что такое оппозиция в рамках закона — или желание иметь с ней дело, что явно играло на руку «радикалам». Гумбаридзе, в частности, терпел антиправительственные митинги и критику в средствах массовой информации, но во всех прочих отношениях уступал давлению извне,

когда оно выражалось открыто и агрессивно, т. е. «радикально». Почти все «радикальные» организации силой захватывали помещения, ранее занимаемые коммунистическими, комсомольскими и другими официальными организациями, и использовали их под свои штаб-квартиры. Правительство даже не смело протестовать против незаконных действий. С другой стороны, оно отказывалось предоставлять помещения «умеренным» организациям легальным путем. Власти даже не пытались противодействовать созданию вооруженных групп, которые поддерживали различные «радикальные» партии. Те же контролируемые коммунистами средства массовой информации, которые охотно предоставляли газетную площадь и экранное время самой резкой критике коммунистического режима или советской империи, крайне осторожно печатали и передавали в эфир какую-либо критику «радикальных» лидеров, особенно Звиада Гамсахурдиа. Стандартное оправдание этой политики гласило: «Лучше не раздражать радикалов».

Некоторые грузинские оппозиционные политики утверждали, что коммунисты умышленно поощряли «радикалов» и, в частности, помогли одному из них — Звиладу Гамсахурдиа — завоевать свою харизму^[8]. Коммунистические власти явно имели на то основания. Пример Прибалтики показывал, что умеренные, стремившиеся к взятию власти через официальные выборы, были потенциально более опасны, чем «радикалы», которые всего-навсего «ходили по улицам» и «много кричали». С другой стороны, может быть, дело просто было в том, что слабое и морально обанкротившееся правительство уступало там, где на него оказывалось самое сильное давление, и не могло отделить легальные средства политической борьбы от нелегальных просто потому, что никогда не имело представления о законности вообще. Однако признаем ли мы действия властей умышленными или нет, это не меняет результата: для неполитизированных масс именно «радикалы» представляли «реальную» оппозицию и именно их активности Грузия обязана какому-либо успеху на своем пути к подрыву коммунистической системы и господства Москвы.

Но решающей причиной был, конечно, общий тип политической ментальности. Трехлетний опыт независимости и демократии не мог сколько-нибудь существенно изменить уровень политического сознания всей нации, как это имело место в государствах Балтии (которые представляют собой своего рода ориентир для всех фракций грузинского оппозиционного движения за последние годы): он создал лишь правовой прецедент для «радикальной оппозиции», на котором она могла основывать свои требования, и совершенно абстрактный символ исторической памяти. Реальность независимости как нормативного способа жизни приходилось возводить к средневековому прошлому. С другой стороны, в 1918 г. Грузия была более готова перейти к демократии, чем в 1990 г.:

десятилетия коммунистического правления разрушили нарождавшиеся элементы гражданского общества и гражданского сознания и обнажили слой средневекового сознания, коррумпированного своим слиянием с коммунистической идеологией и полностью оторванной от современной реальности. Благодаря этому у интеллектуальной элиты и широкой публики остались в основном средневековые идеалы политического поведения. Героическая «непримиримая» позиция в большей степени соответствовала этому абстрактному символу независимости и нашла более широкий отклик, чем поиски конкретных политических средств достижения конкретных целей. Это отсутствие политической трезвости (если не презрение к ней) и неспособность вести современный политический дискурс также привели к нетерпимости и бескомпромиссности среди различных фракций самой оппозиции. Революционный радикализм означал, что любая политическая стратегия будет основываться не на конкретных позитивных целях, а на «образе врага», представленном всеведущим и вездесущим «Кремлем». Быть «непримиримым» к общему врагу означало быть непримиримым ко всем, кто не боролся с врагом как следует, т. е. к любой соперничающей политической фракции. Такие слова, как «ошибка» или «некомпетентность», были убраны из политического лексикона; обычным явлением стал параноидальный поиск «агентов» и «provokatorov».

2. Звиад

Такого рода ментальность нашла свое воплощение в фигуре Звиада Гамсахурдиа, вскоре ставшего признанным вождем грузинского движения за независимость, а позднее грузинского президента. Он родился в семье Константи́на Гамсахурдиа, видного писателя, знаменитого своими романами о средневековой Грузии. Звиад начал свою диссидентскую деятельность в 1956 г., когда был подростком, и несколько раз задерживался, но авторитет его отца спасал его от более суровых преследований.

После того как Гамсахурдиа-старший скончался, Звиад и другие члены организованной им Хельсинкской группы по правам человека были в 1977 г. арестованы. Будущий спаситель грузинской нации повел себя негероически: он покаялся в своей диссидентской деятельности по советскому телевидению и позднее дал показания против двух западных репортеров, которые утверждали, что его публичное покаяние являлось подделкой КГБ^[10]. После этого он отдался кратковременной ссылкой в высокогорной деревне на Северном Кавказе, в то время как его старый товарищ Мераб Костава отбыл полный срок заключения и был освобожден лишь горбачевской перестройкой. Позже Гамсахурдиа оправдывал свое поведение необходимостью не оставлять грузинское диссидентское движение сиротой; однако, вернувшись в Тбилиси, он не спешил вновь окунуться в политическую жизнь^[11], а предпочел углублять свои

знания о германском мистике Рудольфе Штейнере, пока Костава и более молодые диссиденты не вернулись из тюрем и не были созданы новые оппозиционные группы. Именно по настоянию Коставы прочие активисты согласились закрыть глаза на его прошлые колебания и принять его в движение.

Гамсахурдиа и Костава вскоре выработали имидж двух патриархов грузинского диссидентства, первый из которых преимущественно олицетворял его разум, а последний — его несгибаемый дух. После того как М. Костава погиб в подозрительной автомобильной катастрофе в конце 1989 г.^[12], Гамсахурдиа остался на троне «патриарха» один. Долгое время он разделял «непримиримую» философию радикалов за исключением одного пункта: отношения к этническим меньшинствам. Риторика более молодых радикалов по данному вопросу, может быть, была небезупречной, если судить по западным либеральным стандартам, но все же они стремились к тому, чтобы их национализм носил строго политический характер: поскольку движение за независимость боролось за восстановление независимости Грузии как государства, ему следовало избегать какого-либо втягивания в этнические конфликты с меньшинствами, проживающими в Грузии. Первые митинги с требованием независимости были поддержаны группами армян, курдов и других меньшинств. Этнические конфликты в приграничных автономных регионах Абхазии и Южной Осетии считались «провокациями Кремля», направленными против грузинского движения за независимость; им нужно было противопоставить массовые и радикальные акции, направленные в защиту независимости и против Кремля, переключая таким образом общественное внимание с этнических на политические вопросы. Эта тактика, называвшаяся «политизацией (этно)конфликта», использовалась в апреле 1989 г., когда требование абхазов об отделении от Грузии вызвало общественное негодование и массовые митинги.

Радикалы из всех сил старались заменить антиабхазские лозунги на национально-освободительные; в момент кровавого подавления митинга русскими войсками там уже не было лозунга с упоминанием об Абхазии.

Тот же подход с меньшим успехом был испробован в январе 1990 г., когда митинги с требованием независимости были созваны для переключения антиосетинских настроений, вызванных убийством грузинского ребенка при невыясненных обстоятельствах.

В отличие от своих нереалистичных, но по-своему более последовательных коллег, Гамсахурдиа никогда не был принципиальным человеком. Он почуял, что широкое признание и популярность следует искать не в сложных политических материях, а в сфере национальных чувств. Заявляя о своей общей приверженности к либеральным ценностям этнической терпимости и

декларируя равенство всех граждан независимо от национальности, он в то же время без колебаний выступал с неистовыми угрозами в адрес меньшинств, которые не пожелали вести себя как следует.

Так как поощрение этнических конфликтов якобы являлось «политикой КГБ», некоторые из противников Гамсахурдиа использовали его позицию, направленную против меньшинств, для обвинения его в том, что он являлся «агентом КГБ».

Различия в позициях привели к открытому разрыву лишь в мае 1990 г., когда Гамсахурдиа с группой своих приверженцев вышел из Национального форума — «зонтичной» организации «непримиримой» оппозиции, где он оказался в меньшинстве. Тем самым он также отказался от «непримиримой» доктрины, которая, как он почувствовал, хорошо послужила ему в приобретении образа героя, но политически вела в тупик. Спор «радикалов» и «непримиримых» постепенно увял как второстепенный вопрос, поскольку остатки завязтых «непримиримых» привлекали на свои митинги не более чем кучку сторонников.

Смена позиции Гамсахурдиа, сделав свободные парламентские выборы гораздо более осуществимым проектом, привлекли к нему часть умеренных, вызвав таким образом раскол также и среди последних. Некоторые из них вступили в коалицию «Круглый стол», созданную вокруг личности Гамсахурдиа, другие сохранили свое отдельное лицо, но, считая коммунистов и остальных радикалов главной опасностью, избегали публичной критики харизматического вождя. Даже видя его недостатки, они рассчитывали — с полным основанием, — что его популистские призывы смогут вполне эффективно отвлечь менее политизированную часть электората от голосования за коммунистов.

Меньшая часть умеренной оппозиции, объединенная в блок под названием «Демократическая Грузия», была более чуткой к авторитаризму, этническому популизму Гамсахурдиа и — также правильно — видела в нем угрозу будущего фашизма. Она предпочла сблизиться с политически незрелыми, но морально более приемлемыми остатками «непримиримой» оппозиции. Этот блок был единственным, который в своих предвыборных плакатах ставил «свободу личности» на первое место, а «национальную независимость» на второе, хотя, казалось, немногие заметили это.

«Либералы» поддержали даже идею Национального конгресса и приняли участие в обоих выборах в надежде успокоить и цивилизовать пылких радикалов. Это подверглось суровой критике, так как оба противостоящих друг другу выборных органа, претендовавших на то, что представляют «волю нации», казалось, заключали в себе зерна гражданской войны (особенно учитывая тот факт, что сильное полувоенное формирование «Мхедриони» объявило

о своей приверженности к Национальному конгрессу).

В этом расколе особенно ярко проявилась существенная слабость грузинских демократов. Разделенные на мельчайшие группы и неспособные донести суть своей программы до «широких масс», они должны были либо примириться со своим образом людей, которые могут только говорить, а не действовать, либо оказывать какое-то влияние на реальную политическую жизнь путем коалиций с лучше организованными радикалами. Это давало им иллюзорные кратковременные выигрыши, но на деле лишь помогало укрепить либо авторитарный имидж Звиада-Спасителя — единственного героя, который смог победить коммунистов и повести страну к независимости, либо политически несостоятельную идею Национального конгресса. Все больше и больше либерально настроенных интеллигентов предпочитали отвергнуть этот выбор между Сциллой и Харибдой и полностью разочаровывались в политической деятельности.

3. Диктатор и оппозиция к нему

Как бы то ни было, именно эта антизвиадистская коалиция стала ядром будущего продемократического движения; но последнее могло четко утвердить и в собственных глазах, и в глазах общественности свою идентичность как продемократическое только после того, как Гамсахурдиа придет к власти и даст негативную точку отсчета. В результате двух туров парламентских выборов, состоявшихся в октябре и ноябре 1990 г. по смешанной пропорционально-мажоритарной системе, результаты пропорционального голосования разделились между «Круглым столом» (53%) и компартией (29%), причем ни одна из умеренных партий не смогла преодолеть четырехпроцентный порог. Однако ряд умеренных демократов были избраны по мажоритарным округам и позднее образовали «Демократический центр» — оппозиционную фракцию из 11 членов в парламенте из 250 мест. Это была единственная парламентская оппозиция, поскольку коммунисты не отказались от своей старой привычки голосовать вместе с большинством. Многие из коммунистических депутатов вскоре покинули свою партию и даже вступили в правящую коалицию, вследствие чего партия свелась к небольшой группе твердокаменных сталинистов, запрещенную после того, как она поспешила одобрить августовский путч 1991 г. в Москве^[13].

Гамсахурдиа, таким образом, стал председателем парламента, полностью послушного его личной воле. Он сразу же принялся укреплять свою власть, порой за счет элементов демократии, к которым общественность начала привыкать в последний период перестройки. Он (т. е. парламента) унаследовал всю систему официальных коммунистических средств массовой информации с ее гарантированными поставками газетной бумаги по государственным

ценам и монополией на полиграфическое оборудование, — это являлось огромным преимуществом в постсоветских условиях, и горстка только что основанных независимых газет, выходявших в лучшем случае еженедельно, никак не могла с ними конкурировать. Оппозиция почти потеряла всякий доступ к газетам и телевидению истеблишмента; после того как была прекращена трансляция сессий парламента и туда перестали допускать нежелательных журналистов, активность крошечной оппозиционной фракции стала почти бессмысленной. Гамсахурдиа все более и более открыто выражал недовольство частной инициативой, представленной кооперативным сектором, чувствуя, что он мог бы быть потенциальной базой сил оппозиции, и, казалось, с большой неохотой шел на какие-либо реформы как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Под конец он провозгласил приверженность идеологии «конвергенции», говоря, что следует сохранить «хорошие стороны» социалистической централизации экономики. Виссарион Гугушвили, назначенный премьер-министром в августе 1991 г., объявил программу «государственного капитализма»^[14] — последний советский премьер В. Павлов позднее использовал тот же термин для характеристики своего экономического кредо^[15]. Переименование «совхозов» в «национальные хозяйства» было наилучшим символом конечной цели Гамсахурдиа: идеологическое переименование из «социалистического» в «национальное» и сохранение (или в некоторых случаях восстановление) старой системы хорошо отвечало его авторитарным устремлениям.

Все же общая тенденция укрепления исполнительной власти за счет законодательной и местной властей, как и низкие темпы экономических реформ, были общим явлением для всех постсоветских республик независимо от того, возглавляли ли их антикоммунисты или бывшие коммунисты. Чуть ли не каждого свободно избранного постсоветского лидера критиковали за «авторитарный стиль»^[16]. Звиад и его сторонники имели полное право говорить, что он не делал чего-то существенно отличающегося от других лидеров. Он пытался сохранить образ демократа, по крайней мере как он его понимал, и избегать открыто репрессивных методов. Возмутительный характер его «диктатуры» часто преувеличивали и односторонне представляли и оппозиция, и во многих случаях, международные масс-медиа. Обычной фразой во всех сообщениях о Гамсахурдиа было то, что он закрыл все оппозиционные газеты, хотя на самом деле он закрыл только одну из них — «Молодежь Грузии», ряд других выходили до самого конца и довольно сурово критиковали его политику. Законы о средствах массовой информации, политических организациях и гражданстве, принятые парламентом, были довольно демократичны и по крайней мере не менее приемлемы, чем те, что были приняты в других республиках.

И надо отдать должное Гамсахурдиа: «радикальная» часть оппозиции часто вела себя вызывающе, не признавая законность его власти; это

приняло особо серьезный оборот, когда полувоенная организация «Мхедриони», которая оказывала поддержку «радикалам», отказалась сложить оружие по требованию избранного президента. Гамсахурдиа удалось сломить боевиков (с помощью Советской Армии) и арестовать их руководителей; трудно было не согласиться с ним в том, что ни одна демократическая власть не стала бы терпеть вооруженную «оппозицию». Что же касается других оппозиционных деятелей, то вплоть до последней стадии политического кризиса (начавшегося в сентябре 1991 г.) они не испытывали каких-либо преследований (кроме поношений в средствах массовой информации).

Гамсахурдиа был обязан своим образом диктатора скорее своему стилю, чем действиям в собственном смысле слова. Он перенял не только централизованную систему коммунистического правления, но и ее официальную идеологию гражданской войны с упором на образ врага и принцип «кто не с нами, тот против нас». В этом плане он по-прежнему выступал в духе «непримиримой» оппозиции (названной некоторыми либеральными критиками «небольшевистским»)^[17], добавив лишь более сильный акцент на этническом факторе и привкус своей параноидальной личности.

Он пытался — и это ему до некоторой степени удалось — возродить изначальный дух этой идеологии, который смягчился и выветрился в послесталинскую эру. Его риторика явно напоминала коммунистических классиков 30-х гг.: «враг нации» (сталинский вариант: «враг народа»), «агент Кремля» (сталинский вариант: «агент империализма»). Таков был язык его речей и официальных средств массовой информации; других слов для изображения оппозиции, о любом, кто был «не с нами», не находилось.

Ведущая правительственная газета «Сакартвелос республика» вела специальную колонку: «Агенты Кремля в Грузии», в которой «разоблачались» различные общественные деятели.

С поразительной верностью сталинистским традициям Гамсахурдиа поддерживал и подогревал «народный гнев» против «наших врагов» и в то же время изображал себя в качестве сдерживающей силы. Одним из самых гротескных элементов его популистского стиля была палатка, разбитая перед зданием парламента, где его фанатичные сторонники (в основном пожилые женщины) были всегда на посту, готовые выразить негодование тем, что кто-то выступает против Звиада (т. е. Грузии). Когда члены «Мхедриони» начали голодовку протеста против задержания их лидеров, палаточницы стали в свою очередь голодать, протестуя против того, что кто-то протестует против «законного правительства». Именно сам «народ» по просьбе своего вождя и под руководством своих парламентариев-лоялистов сносил баррикады оппозиционеров и жестоко избивал протестующих в сентябре 1991 г.; после этого «народ» вместе со своим президентом праздновал «победу»

народными песнями и плясками перед зданием парламента.

4. Этнотерриториальные войны

В то время как в Грузии имидж Гамсахурдиа как «диктатора» был связан преимущественно с его методами обращения с оппозицией, его злополучная слава за границей была по большей части вызвана его подходом к проблемам этнических меньшинств. Как я сказал выше, этнический популизм был очень важен в первую очередь для приобретения им образа национального вождя. Вскоре после прихода Гамсахурдиа к власти новый парламент под его руководством принял решение о ликвидации автономии южно-осетинского региона. Это решение закончилось войной, которую с обеих сторон вели нерегулярные ополчения. Эта война сопровождала весь период правления Гамсахурдиа и продлилась еще полтора года после его окончания. Тысячи осетин, живших за пределами спорного региона и вполне лояльных к грузинскому государству, были изгнаны из страны под руководством администраторов Гамсахурдиа^[18]. Стандартное обвинение против него, выдвигавшееся многими иностранными (особенно российскими) наблюдателями, заключалось в том, что он выступал с лозунгом «Грузия для (этнических) грузин», сделав таким образом дискриминацию меньшинств ядром своей политики. Его клеймили как «фашиста» многие из его грузинских противников; хотя в последнем случае это слово, как правило, употреблялось в крайне широком и расплывчатом значении, оно подразумевало также и осуждение его этнической политики.

Подобно ряду общих оценок политики Гамсахурдиа, эта оценка отчасти правильна, но также страдает упрощением. Гамсахурдиа и некоторые другие грузинские политики, которые могли резко расходиться с ним по другим вопросам, определенно разделяли с ним ответственность за вспышку этнотерриториального конфликта в южно-осетинском регионе. Можно спорить о том, имело ли грузинское руководство шансы не дать ему развиться в стадию кровопролития (хотя никто уже не сможет представить каких-либо эмпирических доказательств в пользу возможности альтернативных сценариев); но было бы в любом случае довольно трудно для наиболее разумных, демократичных и гуманных политиков вообразить себя на месте Гамсахурдиа. Слишком много факторов было замешано в эволюции посткоммунистических «этнических конфликтов» (из которых югоосетинский является лишь еще одним и довольно типичным случаем), и правильное понимание их взаимосвязи является основной проблемой их интерпретации (а также и урегулирования).

Есть две общие причины, по которым конфликтов подобного рода было трудно избежать в ходе распада Советского Союза. Ни та, ни другая из них не были специфичны для посткоммунистического

контекста, но они усугубились некоторыми особенностями коммунистических обществ. Первая состоит в общем дефиците гражданского сознания или «гражданственности» (конечно, степень этого дефицита разнилась в зависимости от различных политических традиций). Это подразумевало, помимо всего прочего, отсутствие каких-либо связей между гражданством и национальностью. Национальность считалась всецело этнической, а не политической, тогда как гражданство было навязано государством как своего рода внешняя этикетка. Этот разрыв усугублялся советской (а также югославской) системой паспортной регистрации, когда в паспорте содержалась особая графа о «национальности» в отличие от гражданства. Когда Советский Союз начал распадаться на различные части, а бывшие советские республики стали превращаться в новосозданные (или, скорее, по крайней мере в своем собственном понимании, воссозданные) национальные государства, как большинству, так и меньшинствам было трудно рассматривать свою принадлежность к этим новым нациям в неэтническом смысле. В грузинских масс-медиа после 1988 г. можно найти достаточно проявлений того, что понятие грузинской нации в основном воспринималось в этнических категориях. Меньшинства (обычно именовавшиеся «негрузинским населением») обычно описывались как «гости на нашей земле», которым, однако, оказывался вполне радушный прием, если они вели себя в рамках (хотя не все были уверены в том, что они будут так себя вести). Довольно популярна была «демографическая» тема: авторы толковали о возможностях повышения рождаемости среди этнических грузин (составлявших в то время, по переписи 1989 г., 70% населения), поскольку их рождаемость была намного ниже, чем среди армянского и особенно азербайджанского меньшинства. Порой кто-то мог даже обсуждать пути сокращения избыточной рождаемости у меньшинств; так бывало довольно редко, но то, что подобные идеи вообще могли быть опубликованы (в средствах информации, все еще находившихся под коммунистическим контролем) было, конечно, вполне показательным. От властей требовали усиления типично советского контроля за предоставлением жилья (прописка), дабы воспрепятствовать расселению меньшинств (в основном азербайджанцев) из районов компактного проживания в других частях Грузии. С другой стороны, правительство просило поощрять переселение этнических грузин в пограничные районы, где большинство составляли негрузины, в целях изменения этнического баланса в пользу грузин.

Высказывания и требования, подобные этим, явились прискорбными признаками того, что гражданское понимание сущности нации далеко не укоренилось в грузинском менталитете. Они вызывали законную озабоченность среди представителей меньшинств. Но сам по себе этот фактор, по-видимому, не вызвал то, что позднее стало называться «этническим конфликтом». Несмотря на все проявления этнического национализма, почти никто не ставил под вопрос культурные права меньшинств (как возможность иметь образование, театры, газеты и т.

п. на своем собственном языке). Обычно предлагалось сделать знание грузинского языка необходимым предварительным условием получения грузинского гражданства, но это не вызвало сколько-нибудь острой реакции со стороны большей части представителей меньшинств (особенно учитывая тот факт, что это положение никогда законодательно не принималось и не проводилось в жизнь). Несмотря на все проявления этнического национализма, большинство представителей политической элиты понимало необходимость консолидации независимо от этнической принадлежности и побуждало представителей меньшинств к участию в партиях и движениях, борющихся за независимость. С этой целью Народный фронт Грузии создал в качестве своего филиала Ассоциацию за национальное согласие. Разумеется, участие меньшинств в движении за национальную независимость было непропорциональным и вполне символическим, но все же сыграло определенную роль в создании противовеса влиянию этнического национализма.

В целом «этнические конфликты» в чистом виде, т. е. межобщинное насилие против определенной этнической группы всего лишь из-за того, что присутствие последней на данной территории по некоторой причине раздражает большинство, были нехарактерны для постсоветских республик с более или менее развитыми движениями за политическую независимость. Они вспыхивали главным образом в среднеазиатских республиках, где идея независимости никогда не была популярной (например, погромы мусульман-месхетинцев в Узбекистане, узбеков в Кыргызстане и т. д.). Воздействие политических движений за независимость обычно бывало достаточным, чтобы сдвинуть фокус народных чувств с межобщинных разногласий. Они, однако, были не способны вызвать подобный эффект, когда примешивался второй — территориальный фактор.

Поэтому я не хотел бы пользоваться широко распространенным выражением «этнический конфликт», так как оно содержит в себе зерно упрощения, и предпочитаю термин «этнотерриториальный» как более точный.

Этническая подозрительность и предрассудки вылились в открытые и долговременные конфликты только тогда, когда речь зашла о территории, или «почве». Как и при распаде любой другой континентальной империи, новые независимые государства содержали спорные территории, на которые различные этнические общины претендовали как на «свои». Именно эти противоречащие друг другу территориальные притязания, а не предполагаемое угнетение меньшинства большинством лежало в основе таких конфликтов, как югоосетинский и абхазский в Грузии, нагорно-карабахский между Арменией и Азербайджаном, приднестровский в Молдове и т.д. Картины гонений или дискриминации могли позднее использоваться идеологами движений за отделение для того, чтобы усилить сепаратистские чувства в своих общинах или лучше

представить свою точку зрения перед международным сообществом (если они были достаточно догадливы, чтобы понять, что публика в современных демократических государствах восприимчива лишь к аргументам, которые могут быть переложены на язык «прав меньшинств»). Эти утверждения, однако, обычно основывались на высказываниях некоторых политиков в группах, принадлежащих к большинству, или на исторических воспоминаниях о национальной розни в прошлом, но не на действительных фактах гонений, поскольку территориальные претензии меньшинств возникали обычно, как только соответствующее большинство начинало свой крестовый поход за независимость и не успевало наметить свою собственную национальную политику, выходящую за рамки общих деклараций. Грузинское движение за независимость, например, не успело сделать ничего антиабхазского или антиосетинского, прежде чем данные общины выявили свои сепаратистские устремления. Согласно различным наблюдателям, абхазы и осетины резко негативно отреагировали на первые акции грузинского движения за независимость потому что, как они говорили, флаг Грузинской республики 1918 — 1921 гг., запрещенный в советские годы, но вновь поднятый новым оппозиционным движением, «напоминал им о своих предках, убитых под этим флагом»^[19]. Теперь можно только гадать, как отнеслось бы независимое грузинское государство к абхазскому и осетинскому меньшинствам, если бы абхазские и осетинские лидеры не отвергали свою принадлежность к грузинскому государству и не искали протекции в Москве с самого начала. В действительности основным обоснованием этих сепаратистских движений было: «Эта земля принадлежит нам исторически, следовательно, она должна быть независимой от данного более крупного государства, в состав которого она теперь входит.». Эмпирическая общественная наука обычно рассматривает это понимание «исторической справедливости» как мифологическое, и в определенной мере так оно и есть, но нельзя игнорировать тот факт, что именно эта идея, а не «культурные права» меньшинств и не экономическая целесообразность были на уме у тех, кто боролся за дело отделения.

В случае Советского Союза обычные проблемы постимперских конфликтов усугублялись советской так называемой «матрешечной» структурой национальных регионов, при которой в состав национальных республик в свою очередь входили квазинациональные государства с более низким статусом — автономные республики и области. Привыкнув к тому, что они являлись титульными этническими группами в рамках административных образований, с соответствующими бюрократиями, созданными на основе систем этнических квот (некоторые западные наблюдатели называли эту систему «аффирмативным действием», чтобы сделать ее более понятной своей аудитории), они также выработали у себя самосознание будущих наций. В этих условиях преобладающую роль играла логика: «Чем мы хуже других?» Если Грузия хочет независимости от России, почему мы не можем быть

независимы от Грузии? Отмена южно-осетинской автономии грузинским парламентом в декабре 1990 г. определенно было неразумным политическим шагом, поскольку его единственным и легко предсказуемым результатом могло быть насилие с многочисленными зверствами, совершенными обеими сторонами. Он был неблагоприятен и с точки зрения грузинских национальных интересов, ибо это насилие дало России еще один предлог для вмешательства в грузинские дела со статусом миротворца. Этот шаг только помог фактическому отделению Южной Осетии от Грузии. Однако для того, чтобы правильно понять этот шаг, надо отметить, что он не имел ничего общего с правами осетинского меньшинства в Грузии: это была неоправданная ответная мера на имевшее место за несколько дней до того объявление «Южно-Осетинской Советской Демократической Республики», отдельной от Грузии.

То, что последовало, было еще одной территориальной войной, в которой обе стороны защищали «свою землю». Особенность была в том, что отсутствие регулярных и дисциплинированных армий сделало ее еще более жестокой. Другое дело, что Гамсахурдиа использовал конфликт с сепаратистами для разжигания антиосетинской истерии и организовал преследование осетин, проживавших за пределами автономной области (из 165 тыс. осетин, проживавших в Грузии, лишь 60 тыс. жило в пределах АО), которые не имели ничего общего с сепаратистскими устремлениями своих соплеменников. Это можно было бы рассматривать как самое возмутительное преступление режима Гамсахурдиа. Сторонник последнего, однако, мог бы сравнить это с тем, как американское правительство поступило с американцами японского происхождения во время второй мировой войны.

Мистика слов играла особенно важную роль в развитии конфликтов, подобных этому. Ярким примером явился сам термин «Южная Осетия». Он был абсолютно неприемлем для грузинской стороны и все еще официально не употребляется, поскольку при том, что Северная Осетия составляет часть Российской Федерации, это ставит данную территорию в ту же категорию, что и, скажем, Северная и Южная Корея или Западная и Восточная Германия. Наличие самого термина, казалось (и это на самом деле было так), подталкивало к требованиям «воссоединения». Если обе Германии могут воссоединиться, то почему не обе Осетии? Само выражение содержало в себе зерна отделения. Частица «вос-» вполне мифологична сама по себе, поскольку осетинского государства, включающего территории обеих Осетий, никогда не существовало. Термин «Южная Осетия» использовался в XIX в. в культурно-географическом смысле, но ему придали административный статус только русские большевики после того, как они завладели Грузией в 1921 г. Хотя сельское население региона за последние несколько столетий было преимущественно осетинским, для любого грузина, каким бы либералом он ни был, этот регион являлся грузинской исторической провинцией, называемой

Шида Картли или Самачабло. Поняв, что односторонняя ликвидация автономии (важнейшим элементом которой было бы изменение названия) привела бы к нежелательным последствиям, Гамсахурдиа публично заявил, что автономия сохранится.

Однако после того, как сами осетины провозгласили отделение, новые власти не смогли отреагировать никак иначе, кроме как упразднить автономный статус.

Был также и третий, возможно, самый спорный фактор — фактор русского вмешательства. Согласно точке зрения, разделяемой большинством грузин, именно Россия (или кремлевский Центр) дирижировала всеми этническими конфликтами в Грузии, как и повсюду в бывшем Советском Союзе. Эту оценку роли России разделяли почти все сторонники движений за независимость в нерусских республиках. Она безусловно содержала преувеличение, и было бы трудно вообразить распад Советского Союза без каких-либо конфликтов этнотерриториального характера. Это можно было бы приписать желанию снять с себя ответственность, равно как и параноидальному складу ума, особенно характерному для людей, воспитанных в тоталитарном обществе. Однако Россия действительно оказывала большое влияние на события, и это влияние в основном шло в направлении усугубления конфликтов.

Во-первых, с тех пор как Горбачев объявил о своей приверженности более или менее демократическим средствам политического руководства, поддержка движений меньшинств внутри республик, стремящихся к независимости, стала почти единственным средством борьбы против их чаяний, которое казалось легитимным в глазах международного сообщества. Центральному правительству нужно было убедить демократическое сообщество в том, что целостность Советского Союза была необходима для упорядоченных реформ, поддержания мира и защиты прав личности и меньшинств на всей его территории (надо сказать, что Горбачеву это в основном удалось). Это делало центральное правительство СССР и отколовшиеся республики естественными союзниками против стремившихся к независимости республик. Москва всегда могла шантажировать последние, подрывая этническое спокойствие и помогая регионам меньшинств отделиться^[20]. Консервативная фракция «Союз» в советском парламенте, чьим основным мотивом было сохранение Советского Союза, включала в себя в основном депутатов из нерусских республик^[21]. Можно спорить, помогала ли Москва сепаратистским движениям меньшинств на конспиративном уровне, и если да, то насколько, но даже очевидная политическая поддержка явно подстрекала движения меньшинств к бескомпромиссности против своих локальных «центров».

Это изменило и психологическую настроенность представителей большинства, стремящихся к независимости. Удивительную

бесчувственность к заботам меньшинств с их стороны можно было также объяснить тем, что никто не рассматривал их дело как самостоятельное. В период общей экзальтации, характерной для раннего периода борьбы за независимость, любая другая проблема могла пониматься только с точки зрения этой борьбы. В абхазах или осетинах не видели людей, борющихся за свои права; они выступали на «их» (Кремля) стороне против «нас» (Грузии). Осетин клеймили как «неблагодарных гостей», известных своим вероломством. Чем больше меньшинства рассчитывали на помощь «центра», тем больше оснований находило большинство для их обвинения, толкая в свою очередь меньшинства искать защиты у Москвы. Так как общество чувствовало себя слишком слабым, чтобы выдержать давление России, и поскольку грузинская политическая элита была не готова играть в более сложные игры политического компромисса, они реагировали на любые проявления сепаратистских устремлений неадекватно, истерически, способствуя тем самым еще большей радикализации движений меньшинств.

Стороны не смогли найти выхода из этого порочного круга также и после распада Советского Союза и свержения Гамсахурдиа. Войны как в Южной Осетии, так и в Абхазии рассматривались с грузинской стороны как войны преимущественно с Россией; Грузия могла утешать себя лишь тем, что в данных случаях мир действительно видел, что сепаратисты реально пользовались поддержкой России.

Несмотря на столь многие факторы, вызвавшие обострение этнотерриториальных конфликтов в Грузии, все же были шансы удержать их в некоторых границах. В движениях меньшинств тоже были умеренные фракции, которые хорошо понимали, что односторонние шаги, подобные провозглашению отделения от Грузии, были и с их стороны опрометчивыми^[22].

Поскольку общественность никогда не была против предоставления довольно широких культурных прав меньшинствам, реально существовала почва для компромисса. Грузины определенно могли много выиграть, будь они более восприимчивы к некоторым символическим моментам, имеющим столь важное значение для меньшинств, — если бы они сами не придавали столько значения символическим моментам, а не вопросам по существу. Некоторые группы в рамках грузинского движения за независимость предпринимали попытки сотрудничать с этими умеренными течениями в движениях меньшинств (к этим группам принадлежали Общество Ильи Чавчавадзе в 1987 — 1989 гг.; сторонники Национального конгресса, пригласившие представителей движений меньшинств на свою сессию в мае 1990 г.). Однако все эти шаги были редкими и непоследовательными. Преобладало настроение этнического популизма, и лидер, подобный Гамсахурдиа, извлекал немалый политический капитал из осетинского конфликта, чтобы легитимизировать укрепление своей власти и сузить

демократические свободы, ссылаясь на «условия войны» с Россией. «Когда крепость находится в осаде, нет смысла критиковать командующего гарнизоном», — убеждали его сторонники.

5. Заключительная стадия

Гамсахурдиа явно не удалось «сплотить нацию» под своим руководством перед лицом «внешней опасности». Но он сумел навязать обществу дух гражданской войны. Его сторонников понуждали видеть в каждом несогласном врага, «агента Кремля» или слепую силу в руках «агентов». Любого, кто противился политическому стилю и действиям Гамсахурдиа, в свою очередь, выталкивали на радикальную обочину. Тем самым Гамсахурдиа объединил силы, сотрудничество которых ранее было немыслимым: «непримиримых» радикалов, прозападных умеренных и даже членов прежних номенклатурных элит, и объединил их на радикальной платформе. Эти люди не имели между собой ничего общего, кроме «антизвиадинизма», который мог быть политически артикулирован только как движение за демократию, против диктатуры. Поборник радикальной оппозиции кончил тем, что создал радикальную оппозицию самому себе.

Этот раскол уже довольно сильно чувствовался ко времени президентских выборов мая 1991 г. Гамсахурдиа победил подавляющим большинством в 87% голосов. Даже делая скидку на позможную подтасовку голосов и давление, оказанное на избирателей, массовая поддержка Гамсахурдиа была выше, чем за шесть месяцев до этого, в октябре 1990 г. Это было результатом монополии Гамсахурдиа на средства массовой информации на уровне местных властей. Но в стране, где после десятилетий коммунистического правления огромное большинство населения готово было просто идти в фарватере ведущей тенденции, эти цифры не следует переоценивать; решающую роль играет активность сравнительно малочисленной политической элиты. На этом уровне поддержка, которой пользовался Гамсахурдиа, уже шла на убыль. Перед майскими выборами все прочие кандидаты, кроме представителя компартии, вели яростную кампанию против Гамсахурдиа. В дополнение к этому уже начинало вызревать недовольство в рядах его собственных сторонников.

Военный переворот, или народное восстание (противоборствующие стороны использовали различные выражения), покончивший с властью Гамсахурдиа, был естественным результатом — и выражением — менталитета гражданской войны. Автор этих строк может лично засвидетельствовать, что многие люди различных политических ориентаций предсказывали кровавый конец правлению Гамсахурдиа с первых шагов после его прихода к власти^[23]. Но политический конец Гамсахурдиа настал не в результате стихийного «народного возмущения», а после того, как его покинули ближайшие

сподвижники.

Толчком к политическому кризису послужили два момента. Первым было непоследовательное, трусливое или, согласно некоторым толкованиям, предательское поведение Гамсахурдиа во время августовского путча 1991 г. в Москве. Он не смог дать путчу какой-либо политической оценки и попытался превратить Национальную гвардию, потенциальное ядро будущей грузинской армии, в подразделение, подчиненное МВД (позднее Гамсахурдиа оправдывал этот шаг как попытку спасти гвардию перед лицом военной опасности). Вторым была полицейская расправа с мирными демонстрантами 2 сентября того же года, при которой несколько человек были ранены. Поведение Гамсахурдиа в первом случае было расценено Национальной гвардией как акт национальной измены и привело к ее разрыву с ним, поддержанному премьер-министром Сигуа и министром иностранных дел Хоштария, которые получили отставку в тот же период. Однако гвардейцы не стали сразу атаковать правительство и расположились лагерем в окрестностях Тбилиси (позднее Китовани говорил, что народ был еще не готов к смещению президента силой). Второй шаг привел к массовым митингам политической оппозиции (поддержанной также отколовшейся частью коалиции «Круглый стол», назвавшей себя «Хартия-91») с требованиями отставки Гамсахурдиа. Оба течения слились на двухнедельный период в сентябре и октябре, когда гвардия прибыла на «защиту» акции протеста работников телевидения и политической оппозиции, требовавших свободы средств массовой информации, и заняла здание телевидения; однако две недели спустя она покинула город, отложив окончательную развязку конфликта. Затишье продлилось до декабря, полное скрытой напряженности; шли неудавшиеся переговоры. 22 декабря, после еще одного кровавого инцидента перед зданием парламента, Национальная гвардия вновь вступила в город и начала последний штурм здания парламента^[24].

6. Так что же это было?

Эти кровавые события представляют собой крайне противоречивый объект для интерпретации: демократически избранный президент был свергнут военной силой во имя демократии. Он был смещен теми, кого сам назначил, людьми, которые за несколько месяцев до того поддерживали Гамсахурдиа, несмотря на его диктаторский стиль. Демократическая оппозиция, которая ранее неоднократно подчеркивала свою приверженность мирным средствам борьбы, фактически поддержала военный переворот; и наконец, бывший коммунистический босс и один из вождей империи спешно направлен из Москвы ради спасения демократии и независимости.

Как же можно все это понять и оценить?

Принадлежащую Гамсахурдиа теорию дьявольского московского заговора с Эдуардом Шеварднадзе в главной роли не следует отвергать с порога^[25]. Ясно, что Шеварднадзе следил за событиями в Грузии и пытался повлиять на них с тех самых пор, как покинул Тбилиси в 1985 г.

Он был главным советником Горбачева в его политике по отношению к Грузии. Именно он прилетел в Тбилиси после апрельской бойни 1989 г. и подобрал нового руководителя для компартии. После своей отставки с поста министра иностранных дел СССР в декабре 1990 г., наблюдая очевидную тенденцию к распаду СССР, он мог понять, что его политическое будущее в России довольно сомнительно и Грузия была единственно возможной ареной, на которой он мог продолжать свою карьеру^[26]. По этой логике, для него было бы вполне естественно поддерживать любые силы, подрывающие Звиада Гамсахурдиа — основное препятствие к его возвращению. Таким образом, «переворот» можно представить как результат военного заговора против избранного народом президента-антикоммуниста, борца за независимость — заговора, поддержанного старой бюрократической и интеллектуальной элитами, жаждущими вновь водворить у власти промосковского экс-коммуниста, который вернет им их привилегии^[27].

Однако эта теория никак не могла объяснить, каким же образом Гамсахурдиа растранил такую сильную поддержку, потеряв даже своих ближайших друзей? Если протесты демократической оппозиции против авторитарного правления Гамсахурдиа были совершенно естественны, то мотивы тех, кто реально сверг его, были не столь очевидны. Его общая антилиберальная тенденция была вполне ясна с самого начала, что делало приверженность делу демократии лиц, перебежавших от него, довольно сомнительной. Мой тезис состоит в том, что Гамсахурдиа потерял пост грузинского президента, потому что был для этого профессионально непригоден. Не то чтобы Командующий Гарнизона вел себя недемократически; истинная причина перебежек заключалась в том, что его поведение стало неуместным. Он знал, как выступать на митингах, как приобрести притягательность в обществе, как привлекать сторонников из политических неопитов; но он не мог удержать их на своей стороне вследствие своей параноидальной подозрительности и недоверчивости.

Вот почему многие из его ближайших сподвижников рано или поздно стали его самыми яростными и бескомпромиссными врагами. Он даже не овладел такими старыми трюками диктаторской политики, как заключение временных сделок со своими менее опасными противниками, чтобы разгромить более опасных; он мог только создавать врагов из друзей, а не наоборот. Он был полностью

поглощен своими подозрениями насчет личной преданности или нелояльности различных лиц и не смог выработать даже подобие общей линии рационального политического поведения.

Эта установка не только ухудшала личное положение Гамсахурдиа, но и наносила ущерб международному имиджу Грузии, доведя республику, стремившуюся к международному признанию своей независимости, до почти безвыходной изоляции. Он убедил мир в том, что являлся реальным диктатором еще до того, как стал таковым. Если бы Гамсахурдиа был достаточно ловким, чтобы не проявлять свои авторитарные наклонности сразу же, но расширять свою личную власть постепенно и подавать себя в более приличном виде западным журналистам и политикам, это могло бы стать дурной вестью для грузинских демократов, но он сохранил бы свой пост и избежал международной известности как «диктатор». Но он был неудачником и в своих диктаторских поползновениях, приведя свою нацию и себя самого к катастрофе.

---

^[1] Выборы в прибалтийских республиках, проведенные в начале того же года, были практически свободными, но многопартийная система при этом не была официально введена в действие.

^[2] Так было по крайней мере до осени 1994 г., когда сугубо сталинистская Объединенная коммунистическая партия стала получать больше положительных ответов в ходе опросов общественного мнения, хотя в других отношениях этого все еще не заметно.

^[3] Перехода от «идеальной тоталитарной системы к демократии нельзя достичь в одну ночь, одним прыжком... До тех пор, пока не развернется особо сложный процесс строительства, формирования и укрепления гражданского общества в экономической и социальной сферах, существует крайняя необходимость поддержания в области политики сильной авторитарной власти, которая позволит ограниченную демократию (Мигранян А. Долгий путь к европейскому дому // Новый мир. 1989. N 7. С. 169).

^[4] Я не включаю сюда войны за отделение этнических групп, подобно войне в Югославии или же в других регионах пост-Советии (Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия и т.д.).

^[5] New York: Morrow, 1990.

^[6] Она открыто оспаривалась лишь несколькими этническими меньшинствами, проживающими в пограничных районах; среди них абхазы и осетины выступали против независимости Грузии политическим путем.

^[7] Однако для грузинских «радикалов» принцип ненасилия Ганди был в большей степени делом тактики, чем убеждением. Они выдержали его до конца в отношении «оккупационного режима», но фактически нарушили его, когда дело дошло до внутренних этнических и политических вопросов.

^[8] Вот цитата, принадлежащая одному из них, Нодару Натадзе: «Коммунистическая

пропаганда, особенно телевидение, делала все, что могла в 1990 г. ... чтобы отождествить личность З. Гамсахурдиа, с одной стороны, и идею национальной свободы Грузии, с другой, с тем, чтобы неизбежная дискредитация первой означала бы дискредитацию последней (Сакартвелос республика. 1992. 20 февраля).

[9] В духе грузинской традиции особенно популярных общественных деятелей называют только по имени.

[10] Shipler David K. Democracy is a System, not a Man // New York Times. 1992. 9 January.

[11] См. Чхеидзе Тамар. Убийство или авария? // Сакартвелос республика. 1992. 20 февраля.

[12] Тамар Чхеидзе, соратница Коставы по диссидентскому движению, которая вела машину и уцелела в аварии, позднее рассказывала об этом в интервью (см. предыдущую сноску).

[13] См.: Цховреба. 1991. 21 августа.

[14] См.: Дрони. 1991. 4 ноября.

[15] См.: Коммерсант (Москва). 1992. 10 — 17 февраля.

[16] Применительно к России см.: Wishnevski Julia. Russia: Liberal Media Criticise Democrats in Power // RFE/RL Research Report. 1992. 10 January.

[17] См: Сахипато тенденция («Опасная тенденция»). Тбилиси. 1989. 27 ноября.

[18] Газета «Дрони» 19 апреля 1991 г. сообщила о том, как были вынуждены уехать жители осетинского села Китаани (за пределами южно-осетинского региона), не занимавшиеся никакой политической деятельностью: «29 марта было отключено электричество, отменен автобусный маршрут (село находится в 6 километров от шоссе), прекращен подвоз хлеба и закрыт детский сад. Все земельные участки, сданные в аренду крестьянам за год до того, были у них отобраны».

[19] Независимая Грузия переживала сходные конфликты с абхазскими и осетинскими сепаратистскими движениями в 1918 — 1921 гг.; разница состояла в том, что в тот период Россия в эти конфликты прямо не вмешивалась и Грузия решила проблему военным путем до тех пор, пока вся она не была оккупирована Россией.

[20] В одном из своих интервью Гамсахурдиа обвинил Горбачева в шантажировании его по осетинскому вопросу: «Подпишите Союзный договор, якобы сказал ему Горбачев в телефонном разговоре, — или все, что происходит в Осетии, будет продолжаться» (Независимая газета. 1991. 7 марта).

[21] Одним из лидеров фракции был Анатолий Чехоев, в то время представитель южно-осетинского сепаратистского движения. О предполагаемой координации между южно-осетинским движением и группой «Союз» см.: Tskhinvali Militia Chief on Unrest. — In: FBIS-USR-91-036, 4 October 1991. P. 32 — 33.

[22] «Объявление независимости [Южной Осетии] с ориентацией на Москву и перспектива объединения Северной и Южной Осетий... с геополитической точки зрения [было] ошибкой»; «Всякий, кто хочет мира между южными осетинами и грузинами должен навсегда отказаться от идеи присоединения Южной к Северной Осетии. Всякий, кто хочет мира между Грузией и Россией, должен также отказаться

от этой идеи». — Василий Абаев [видный осетинский ученый]. «Трагедия Южной Осетии — путь к согласию» (Независимая газета. 1992. 22 января).

[23] Вскоре после того, как Гамсахурдиа был свергнут, один грузинский писатель сказал в интервью, озаглавленном «Катастрофа была неизбежна»: «После того как в центре Тбилиси вспыхнули бои, несколько знакомых звонили мне и спрашивали, как я мог предвидеть все это: после победы Гамсахурдиа на выборах я говорил, что Грузия будет залита потоками крови... В том, что я это знал, нет ничего удивительного: почти всякий, кто хорошо знал Гамсахурдиа и долго размышлял об особенностях его личности, разделял ту же идею». — Наира Гелашвили. Убедуреба гардували ико // Сакартвело. 1992. 31 января.

[24] Подробнее об этом см.: Fuller E. Georgian President Flees after Opposition Seizes Power // RFE/RL Research Report. Vol. 1. N 3. 17 January 1992.

[25] Гамсахурдиа говорил об этом в многочисленных интервью. См., например, «Независимую газету» от 21 февраля 1992 г.

[26] Хотя его краткое возвращение на пост министра иностранных дел СССР осенью 1991 г. не вписывается в эту схему.

[27] Вот как смотрел на это сам смещенный президент: «Я приехал в пустыню, вы видите? Я был один, с голыми руками — у меня не было милиции, не было КГБ, никого; каждый был предателем, каждый был взяточником. Что поделаешь в таком обществе, в таком государстве?» — FBIS-SOV-92-035, 21 February 1992.